

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.3+904 ББК 63.4(2) D ОI 10.25986/IRI.2021.86.4.007

А. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. labeliaev@bk.ru

С. Ю. Шокарев

РГГУ, Москва, Россия. shokarevs@yandex.ru

С. Г. Шуляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. firangel@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ РОДА КНЯЗЕЙ КУБЕНСКИХ В ПОДКЛЕТЕ СОБОРА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

В статье публикуются два надгробия и семь саркофагов (из них пять с надписями) рода князей Кубенских, ветви Ярославского княжеского дома, захиревшего после середины XVI в. Ранее они были известны не полностью, чтения надписей содержали ошибки, ряд биографий не прорабатывался, саркофаги оставались неизученными. Погребения занимают две ячейки в подклете Смоленского собора, где похоронены в одном ряду: Ульяна-Евпраксия, дочь князя Андрея Васильевича Углицкого, жена князя Ивана Семеновича Кубенского; ее сын Иван Иванович, казненный Иваном Грозным; его вдова Анна-Александра (в девичестве Воротынская). В другой ячейке погребены жена брата И. И. Кубенского, Михаила, Мария с их дочерью Еленой-Гликерией, женой известного боярина Петра Васильевича Морозова. Дано археологическое описание контекста, памятников и саркофагов как предметов, эпиграфический анализ, а также очерк генеалогии погребенных.

Ключевые слова: Москва, XVI век, археология монастырей, некрополь, эпиграфика, надгробия, саркофаги, генеалогия, русская знать

Статья написана в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение».

Работы Новодевичьей экспедиции Института археологии РАН в 2017–2020 гг. в подклете Смоленского собора поставили ряд вопросов по генеалогии, развитию исторической памяти и церковного поминания в Московском царстве. Они решаются путем анализа конкретных плит и саркофагов (см. обзор: [Беляев, Григорян, Шуляев]; отдельные сюжеты: [Беляев, Топычканов; Беляев, Шокарев, Шуляев; Беляев, Корзинин]). Данная статья посвящена рассмотрению самой крупной серии памятников второй трети XVI в., принадлежащих роду князей Кубенских. Они заполнили западную и центральную части северного нефа в подклете. Всего саркофагов семь (пять подписаны, два безымянные), но мы рассмотрим девять объектов, поскольку при двух древнейших погребениях сохранились надгробия.

Надгробия не раз описаны, включены в своды, использованы как источник по истории собора. Их знали уже Г. Ф. Миллер и его помощники, впервые опубликовавшие списки погребенных¹. Они вошли в «Московский некрополь»², а позже – в свод ранних надписей Москвы [Гиршберг, с. 3–77] и на план, восходящий к чертежу 1887 г. [Трубникова, рис. 1].

Саркофаги, напротив, были доступны обзору лишь однажды, при реставрации 1880-х гг. Их видел А. А. Мартынов и архитекторы-реставраторы (см.: [Подсоборный склеп]), составившие план погребений. Сами гробы до работ экспедиции Института археологии РАН не обмеряли, не фотографировали и не публиковали. Поэтому начнем с планиметрии, описания сооружений и эпиграфики, а затем дадим историко-генеалогический комментарий.

Топографически саркофаги рода князей Кубенских делятся на две группы, вписанные в ячейки, ограниченные фундаментными лентами: четыре гроба в центральном поперечном нефе и три в западном. Саркофаги вкопаны в предматериковую темно-серую почву и в материк, от пола их отделял тонкий слой подсыпки и подбутовки. Все они антропоморфны. Надписи по графье, вязью, врезным шрифтом; буквы вытянутых пропорций; канавки мачт трехгранные, подсечки выраженные и читаются ясно. Из надгробий в одном, князя И. И. Кубенского, использована обронная резьба.

Саркофаги не вскрывали ни мы, ни наши предшественники. Надгробия же перемещали при ремонтах подклета и перекладке полов (первый пол – из кирпича завода А. Гусарева на извести, 1880-х гг.; второй – советская стяжка на бетоне). Мы нанесли все саркофаги и памятники на обмерный план, присвоив учетные номера (если погребение имеет и плиту, и саркофаг, то получает единый номер с литерой *n* или *c*). Эти номера указываем, другие топографические привязки (участки, квадраты и т. п.) опускаем. Описание начнем с объектов более древних, сосредоточенных в центральном нефе. Это четыре саркофага и две плиты.

Первой из Кубенских похоронили Ульяну/Евпраксию, дочь князя Андрея Васильевича Углицкого, супругу князя Ивана Семеновича. Ее плита лежала у северной стены собора, на подставке из кирпича конца XIX в., на известковом растворе в два слоя. Под ней открылся саркофаг с надписью. На обоих указана дата смерти: 15 мая 7045 (= 1537) г. (Рис. 1, объекты 62п и 62с).

Надгробие есть на плане О. А. Трубниковой (№ 4) и в каталоге В. Б. Гиршберга (№ 33). Его особенности важны для хронологии, рассмотрим их подробнее. В 1950-х гг., описывая ранние плиты подклета, В. Б. Гиршберг отнес камень к введенному им же типу брусковых, то есть таких, у которых ширина и высота близки, а длина намного их превышает³. Это не совсем так. Согласно В. Б. Гиршбергу, размеры плиты 163 × 29 × 27 см. На самом деле, длина (133 см) и высота (от 17 до 13 см) гораздо меньше, а ширина в изголовье на четверть больше – 38 см (в ногах 28 см)⁴. Это лишь немногим короче и уже, чем типовой камень XVI–XVII вв. Перед нами не «брусок», а обычная трапециевидная невысокая плита. Размер продиктовала теснота подклета: плиты не должны мешать движению, оставляя место новым погребениям. Эта логика в целом прослеживается: в подклете мало плит «уличного» размера. Что касается

¹ Надписи, находящиеся в Новодевичьем монастыре в церквах и в разных местах над умершими // Древняя российская вивлиофика. СПб., 1791. Ч. 19. С. 293–304 (далее – ДРВ).

² Московский некрополь / Николай Михайлович, вел. кн. (автор предисл. и изд.); Саитов В. И., Модзалевский Б. А. СПб., 1907. Т. 1.

³ Далее размеры плит указываем в последовательности: длина – ширина в изголовье – ширина в ногах – высота в головах – высота в ногах (если отличается). Для саркофагов так же, но дается максимальная ширина (по линии плеч).

⁴ В. Б. Гиршберг описывает надгробия как сделанные из песчаника, в то время как использован белый камень, то есть известняк.

типа брусовых надгробий, то он, кроме двух камней в подклете Смоленского собора, нигде не встречен – это не тип, а девиация.

Более значим другой отличительный признак – отсутствие орнамента: искусно выполненная надпись в 8 строк заняла лицевую грань целиком. Характерные признаки в эпиграфике: ромбические кузовки для аз; умеренное применение лигатур и выносных букв; отточия между буквами в дате.

В. Б. Гиршберг отметил как особенности «подстрочную» букву *о* в третьей строке («Иванова») и последнюю в седьмой строке *ять*, треугольный кузовок которой повернут в левую сторону. На самом деле, *о* вписана в строку на ее нижнем уровне, а для концевой *ять* просто не осталось места: ее выдвинули из строки, уменьшили и начертили почти как граффито, упростив и повернув кузовок. Оформление дат с разделением точками и промежутками тоже довольно обычно во второй трети XVI в. Это все обычные приемы в эпиграфике XVI–XVII вв., эпиграфика отвечает дате 1537 г., и нет оснований ставить вопрос о более позднем исполнении надписи или всего камня, как это делали (см.: [Кавельмахер]).

Текст:

ЛБ^Т(а) · З · М · Е · МАІ
 Я · ЕІ · ПРЕ^СТАВИ^С(я)
 КН(я)ЖЕ ИВАНОВА
 СЕМЕНОВИЧА
 КУБЕ^НСКОГО КНЯ
 ГИН^А ІУЛИЯНА
 ІНОКА ЕУПРА^ЗѢ
 Я

Второй элемент погребения – саркофаг. В плане это выраженный трапециод; изголовье плавного рисунка, округлое, но в верхней части спрямленное; плечи широкие; размеры 192 × 71/44 см. Крышка составная, надпись в шесть строк покрывает ее почти целиком от линии плеч, кроме оглавья и части изножья. Графья верхних строк проложена под углом, и резчик сделал широкий пробел между четвертой и пятой строками, чтобы миновать стык крышки, но это не удалось: выносные элементы пятой строки попали на верхнюю половину, как бы связав части крышки.

Текст:

ЛБ^Т(а) ЗМЕ МАЯ ЕІ ПРЕ^С
 ТАВИ^С(я) КНЯ^З(я) ИВАНОВА СЕМЕ
 НОВИ^Ч(а) КУБЕ^НСКО^Г(о) ІНОКА КН(я)ГИН(я)
 ЕУПРА^ЗѢЯ ДОЧИ КНЯ^З(я)
 АНДР^ЪЯ ВАСИ^ЛЕВИ^Ч(а)
 УГЛЕ^ЦКО^Г(о)

Два надгробных текста близки, но не тождественны: на крышке указано иноческое имя (Евпраксия), но нет мирского (Ульяна), зато оно есть на плите; на плите есть только имя мужа (князь Иван Семенович Кубенский), но имя отца (князь Андрей Васильевич Углицкий) – только на саркофаге. Дата смерти (15 мая 7045 = 1537 г.) одинакова на обоих.

Эпиграфически надписи саркофага и плиты сходны, что устанавливает хронологическое соответствие обоих камней друг другу и дате, указанной в надписях. Отметим удвоенное *твердо*: буква с тремя мачтами проставлена во второй строке, но добавлена и выносная надстрочная с одной мачтой.

Рядом с плитой княгини Ульяны лежало надгробие ее сына, князя Ивана Ивановича Кубенского, хорошо известного источникам (Рис. 1, объекты 63п и 63с). На плите указана точная

дата его смерти: князя казнили, согласно летописи, 21 июля 7054 (= 1546) г. Плита и правда необычна: она длиннее и уже, чем плита матери, это действительно брусок: 140 × 28 × 16 см. В. Б. Гиршберг (№ 42) не указал размер, подчеркнув лишь, что это брусчатое надгробие и один из первых могильных камней, где надпись нарезана выпуклой рельефной резьбой.

Согласимся с этим. В литературе второй половины XX в. утвердилось мнение, что обронная резьба появилась на плитах только в XVII в., но это лишь время наибольшего распространения. На нашей плите оброном выполнены отдельные строки, в то время как у надписей XVII в. всегда углублено поле целиком. Примеры же «построчной» обронной резьбы дает пока только первая половина XVI в.: фрагмент из Спасского собора Андроникова монастыря [Гиршберг, № 104, с. 48, табл. 6, рис. 1]; из пригорода Москвы (Народная улица) с датой: 1519 г. [Беркович, Егоров, с. 591–593] и др. [Беляев, Топычканов, с. 95].

Обронные плиты часто несут нестандартные элементы декора. Есть они и здесь. Перед словом ЛЕТА нарезана колонка с двумя овально-гранеными бусинами и тремя квадратно-ромбическими перехватами. Она декорирует начало текста, служа «буквицей». Похожая колонка, но с уменьшенным числом элементов разделяет в третьей строке слова ПРЕСТАВИСЯ и КНЯЗЬ. Чтобы заподозрить в них декоративные буквы (в первом случае – *веди*, во втором – *йота*) нет грамматических оснований. В московской эпиграфике такие вставки не приняты, но витая колонка открывает надпись на плите Анфисы Годуновой 1603 г. [Беляев, Корзинин]. Возможно, резчик вставил ее, подражая искусно выполненному образцу на соседней плите.

Далее последняя строка подчеркнута сплошной линией в виде валика, а чуть ниже середины камня искусно вырезан рельефный равноконечный крест с процветшими концами и перехватами на ветвях; в полях между ветвями – циркульные выпуклые бусины. Знак креста на плитах в XVII в. встречается редко, но примеры есть: плита инок Епифания 1512 г. из Высоко-Петровского монастыря [Беляев, Григорян, Савельев, с. 22, рис. 7].

Текст нарезан с большим тщанием, но логичнее смотрелся бы в вертикальной позиции: надпись в пять широких строк заняла лишь верхнюю половину плиты. Буквы нарезаны толстыми валиками и расставлены шире чем обычно. Признаки вязи немногочисленны: лигатуры, надстрочные и вписанные друг в друга элементы. Возможно, резчик учел манеру надписи на лежавшей рядом плите княгини Ульяны: он ввел нижние О, ромбические кузовки на мачтах для буквы аз и выделил отдельные слова и цифры в дате пробелами.

Текст:

■ ЛѢТА ⁂З Н Д
Ю^А(я) КА Д(е)НЬ ПРЕ
СТАВИ^С(я) ■ КНЯЗЬ(ь)
ИВАНЪ ИВАНОВИ^Ч
КУБЕНЬСКО^И

+

По непонятной причине (объяснений чтения не приведено) В. Б. Гиршберг разделил вполне слитно написанные цифры КА, трактуя их отдельно: «в А день», и получил дату смерти 1 июля, хотя тут же цитирует слова Постниковского летописца о казни князя И. И. Кубенского «июля в 21 день»⁵ и указывает, что в ДРВ (С. 301) стоит дата 21 июля.

Брусковые надгробия подозревают в анахронизме, что, с учетом недавно доказанного и бесспорно существовавшего обычая повторения плит [Беляев, 2018а], следует принять во внимание. В. В. Кавельмахер полагал, что брусковые надгробия в соборе изготовлены гораздо позже совершения погребений, ссылаясь на необычный размер и обронную резьбу.

⁵ Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Изд. М., 1954. Т. 46. С. 286.

Он использовал это допущение, подбирая аргументы для поздней датировки Смоленского собора (чему даты камней явно мешали). Не возвращаясь к вопросу о дате закладки здания, отметим, что поздних признаков у камня нет. Обронная резьба, вставка-колонка, крестик – редкие детали, но указывают они скорее на особое внимание к камню, чем на позднюю дату.

Трудно принять и мысль о единовременном переоформлении камней: надгробие матери, лежащее рядом, нарезано в совершенно ином стиле и явно аутентично. У камней есть особенности, это не типовые кладбищенские плиты – но они имеют аналоги именно в XVI, а не в XVII в. Легко допустить, что родные заказали казненному дорогое и богато украшенное надгробие. Вполне отвечают второй трети XVI в. формы букв.

Точно под надгробием находился саркофаг (208 × 64/43 см) с двухчастной крышкой, округлым оглавием и спрямленными плечами. Надпись на крышке в три строки обычными врезанными буквами. Текст тот же, что на плите, за одним исключением: князь назван благоверным. Отметим, что и здесь дана верная дата: 21 июля. Читается:

ЛБ^Т(а) ЗНД . Ю^А(я) . КА . ПРЕСТАВИ^С(я) БЛ(а)ГО
ВБ^РНЫЙ КНЯ^З(ь) ИВА^Н ИВАНОВИ^Ч
КУБЕ^НСКОЙ

В отношении эпиграфики надпись мало отличается от начертания на крышке саркофага матери, княгини Ульянии, та же уверенная рука резчика. Отметим щегольское исполнение оук в родовом имени *Кубенской*.

Третий саркофаг в ряду князей Кубенских принадлежит вдове князя Ивана Ивановича, в иночестве Александре: она пережила мужа примерно на пять лет и умерла 18 июня 7059 (= 1551) г. (Рис. 1, объект 64). Ее каменный гроб, как и гроб свекрови, короче саркофага мужа (186 × 68/43 см), очертания изголовья мягче. Крышка из двух частей. Надпись в три строки нанесена в абсолютно той же манере и близким почерком, что предыдущие. Читается:

ЛБ^Т(а) ЗНӨ Ю^Н(я) ИИ ПРЕ^СТАВИ^С(я) КНЯ^Ж
ИВАНА ИВАНОВИ^Ч(а) КУБЕ^НСКО^Г(о) КН(я)ГИН^Я
ИНОКА АЛЕ^ЖА^НДРА

Плиты над саркофагом, по крайней мере в XVIII в., не было: в ДРВ она не учтена. О погребении узнали в 1880-х гг., при перекладке пола. «Московский некрополь», по записям А. А. Мартынова и со ссылкой на него, указывает: «Кубенская, княгиня Александра, инокиня, жена князя Ивана Ивановича Кубенского, ум. 18 июня 7078 (1570) г. (Новодевичий монастырь. – Записи А. А. Мартынова, ркп. у А. А. Титова)»⁶. Видимо, его обозначили на плане 1878 г., и О. А. Трубникова поместит его на свой план под номером 41, кратко подписав: «Княгиня А. Кубенская. 1570 г.» В сводку В. Б. Гиршберга оно не попадет, почему – не ясно.

Очевидно, что везде описано одно и то же погребение. Разница в дате смерти на 20 лет (вместо 1551 г. – 1570-й) объяснима. На плите после земли (7000), идут два знака, расположенные друг над другом: *иже* сверху, *фита* снизу. Прочерченная линия графы над двумя мачтами *иже*, а также попавший в ее косую планку раствор заставили, видимо, принять букву за *покой*. У *фиты* внутри нет планки, и, хотя боковые засечки вполне ясны, при слабой расчистке букву могли принять за *он*, вместо 7059 получив 7078, и вместо 1551 г. 1570-й. К тому же письменные источники позволяли считать, что инокиня жила еще в конце 1560-х гг. Вообще, идентификация инокини Александры (в миру Анны) потребовала дополнительных исследований (см. ниже).

Последний из четырех в этом ряду, южнее саркофага Анны/Александры, каменный гроб, вероятно, принадлежал члену той же семьи (Рис. 1, объект 65). У него трапециевидное оглавье, а линия плеч прямая, без округлостей; размер близок двум женским саркофагам:

⁶ Московский некрополь / Николай Михайлович, вел. кн. (автор предисл. и изд.); Саитов В. И., Модзалевский Б. Л. СПб., 1907. Т. 2. С. 116.

183 × 64/38 см. Крышка, в отличие от предыдущих, цельная; ее поверхность повреждена, но надписи нет. В описаниях подклета гроб не упомянут. Топография и морфология указывают, что это последнее по времени захоронение в ряду: угловатые изголовья пока не отмечались ранее середины – второй половины XVI в. [Беляев, 20186].

Сделаем промежуточный вывод. Следует отказаться от идеи разрыва саркофагов и надгробий: они синхронны. Все пять надписей, а особенно на крышках саркофагов, эпиграфически близки. Общий строгий строй вязи, тонкая графья, вытянутый характер букв. Ромбические кузовки для аз с углом у середины мачты повторяются с известной назойливостью, они обычны в надписях с 1530-х гг. Все это, однако, не свидетельство переоформления, но указание на устойчивость приемов резьбы в монастырской мастерской. Ведь промежуток, когда нарезаны надписи, всего 14–15 лет (1537–1551).

Обратимся к погребениям второй группы рода князей Кубенских, в северо-западном углу подклета. Здесь рядом друг с другом стоят два более крупных саркофага с округлыми оглавьями. Между северным и стеной храма уложен третий, детский или младенческий, по форме не отличающийся от взрослых (Рис. 1, объект 74). Ранее он известен не был. Толщина его крышки 5 см; несмотря на небольшой размер, 78 × 36/30 см, она состоит из двух частей и на 6 см длиннее саркофага, выступая в головной части; края в оглавье сильно окатаны. Небольшие саркофаги для младенцев хорошо известны на кладбищах знати XVI–XVII вв. в Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале, Знаменской церкви Новоспасского монастыря [Беляев, 2013; Беляев, Медникова] и др.

Саркофаг вкопан в верхнюю часть более ранней могильной ямы, врезанной в материк параллельно стене собора и заполненной темно-серой супесью с желтоватым песком и редкими включениями крошки извести. Эта могила (объект 82, в плане 180 × 50 см) тоже относится к некрополю подклета и следует его ориентации, а не унаследована от предшествующего кладбища. Вполне вероятно, что это погребение кого-то из семьи князей Кубенских. Сам саркофаг стоит между фундаментом собора и объектом 61, к которому прислонен краем. Таким образом, всего в ячейке не менее четырех погребений.

Саркофаг дочери М. И. Кубенского, Гликерии Морозовой [Гиршберг, № 101; Трубникова, № 6], крупный (201 × 70/42 см), крышка составная, толщиной 17 см (Рис. 1, объект 61). Надпись в 4 строки. Текст:

КНЯ^Ж МИХАИЛОВА ДО^Ч КУБЕ^Н
СКО^Г(о) ГЛИК^Ь^Р(и)А ПЕТРО
ВА ЖЕНА ВАСИ^АЕВИ^Ч(а)
МОРОЗОВА

Вплотную к нему с юга стоит саркофаг матери Гликерии, Марии, супруги М. И. Кубенского [Гиршберг, № 102; Трубникова, № 7]. Размер 201 × 69/38 см, крышка составная, толщиной 15 см (Рис. 1, объект 60). Надпись в 3 строки. Текст:

КНЯ^Ж МИХАИЛОВА ИВА
НОВИ^Ч(а) КУБЕ^НСКО^Г(о) КНЯГИН(я)
МА^Р(и)Я

Саркофаги отличает массивность. Они длиннее и шире, длиной более 2 м и шириной около 70 см, в то время как из первых четырех самый длинный – 190 см при ширине всего 40 см. Отличаются и надписи: они не содержат дат, формул упокоения и указаний на иночество (постриг не был принят?), но отмечены имена и родственная принадлежность. Известно, что саркофаги иногда помечали только именем или частью надписи, видимо, чтобы не спутать при перемещении [Некрополь русских великих княгинь]. Смысл полноценной надписи на крышке вообще до сих пор не вполне ясен, поскольку она была недоступна после погребения.

Эпиграфически обе надписи похожи, но не тождественны: аз с ромбическим кузовком и выносы одинаковы, зато я пишутся очень по-разному.

Надгробий, видимо, не было. В XVIII в. их не отметили, а в «Московский некрополь» и на план 1887 г. Мария и Гликерия попали потому, что крышки увидели при перекладке пола и оставили доступными обозрению через общую ячейку в полу, оконтуренную трапециевидной в плане кирпичной кладкой размером 205 × 170 (запад) / 130 (восток) см из кирпича 29 × 15 × 8 см на цементном растворе, частью из кирпичей вторичного использования.

Скажем о планиметрии и хронологии. Точных сведений, как развивался некрополь, нет. Основной стороной для погребений была северная, а не южная, как обычно. Вряд ли начали хоронить от западного угла на восток – этому противоречит размещение погребений Ульяны Захарьиной (1533 г.) и Ульяны, княгини Кубенской (1537 г.). К тому же два крупных саркофага на западе похожи на поздние модели, а не на ранние, да и письменные источники (о них ниже) не позволяют видеть здесь первые погребения.

Не удается уточнить хронологию развития некрополя и через анализ строительных элементов. Даты закладки собора и фундаментных лент для усиления несущей способности стен и столбов неизвестны. При реставрационных исследованиях достигнут консенсус: здание датировать 1540-ми гг. Но закладка подклета могла произойти раньше, а ленты появились позже начала строительства. Погребая Кубенских, эти ленты учитывали: саркофаги четко вписаны в их ячейки, слегка задевая края. Так, для погребения инокини Александры (1551 г.) у ее изголовья подрубили край западной ленты, чуть тронув и восточный. Саркофаг Ульянии Кубенской уложен не строго по оси стены, он следует уступу фундамента и явно положен после закладки собора [Беляев, Григорян, Фролов, Шуляев]. Если так, то фундамент подклета заложен до 1537 г., а ленты – до 1551 г. В центральном нефе, к югу, в фундаментную ленту между столбами врублена могила Анфисы Годуновой (1605 г.), а к западу – Турунтаевой-Пронской (1570 г.). Это надежный, но слишком поздний *terminus ante quem*, к 1570 г. некрополь князей Кубенских уже сформировался.

Подчеркнем, что высказанная в прошлом В. В. Кавельмахером мысль о позднем происхождении надгробий князей Кубенских и «брусовых надгробий», а также о перезахоронении саркофагов не подтверждается: комплекс следует датировать как возникший в 1537–1551 гг. Соотношение погребений князей Кубенских и фундаментов, синхронность их плит и саркофагов – новые факты в хронологии собора и его некрополя.

Отметим, что 7 каменных гробов семьи князей Кубенских – почти половина от отмеченных 15. Неучтенные саркофаги могут стоять в некоторых склепах из кирпича, но гробы Кубенских все равно составят не менее трети (в глубоких могилах саркофагов, видимо, нет). На других некрополях XV–XVII вв. число саркофагов обычно от двух-трех до одного-двух десятков.

Итак, в нашем распоряжении три датированных саркофага представителей двух поколений одной семьи князей Кубенских, погребенных за срок менее 15 лет (1537, 1546, 1551 гг.), плюс один без надписи, видимо, после 1551 г., и, в отдельной группе, еще три недатированных, но принадлежащих к линии князя Михаила.

Чтобы прояснить картину, обратимся к источникам по генеалогии. Кубенские – удельная ветвь Ярославских князей, их родовой удел, Кубена и Заозерье, перешел к великим князьям московским в середине XV в.⁷, что, возможно, было возмещено землями в других уездах, где они могли получить широкий, «напоминающий княжеский иммунитет» [Кобрин, с. 67].

⁷ ДДГ. М., 1950. С. 128, 146, 195; Родословная книга по трем спискам, с предисловием и азбучным указателем // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. Материалы. С. 57, 58; Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 50.

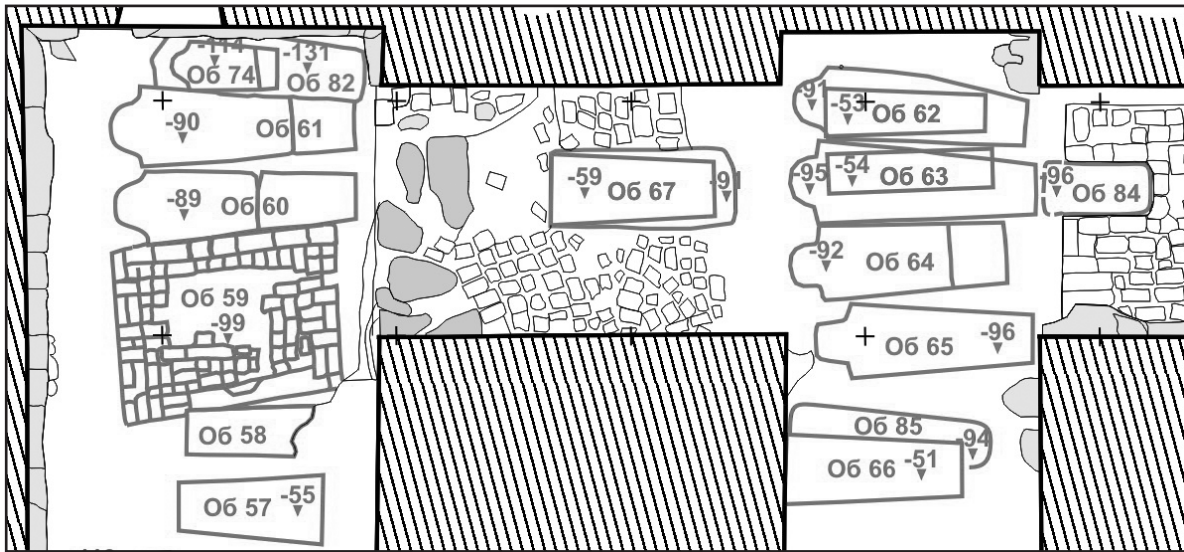

Рис. 1. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северный неф: западная угловая и центральная ячейка. Схема по обмерному плану 2017/2018 гг.

В родословных первыми Кубенскими князьями называются Андрей (св. Иоасаф Каменский) и Семен, сыновья князя Дмитрия Васильевича Заозерского (умер до 1436 г.); их сестра Софья была замужем за князем Дмитрием Шемякой. Согласно родословцам, Кубенский удел перешел к Семену Дмитриевичу от тестя, князя Ивана Дмитриевича Дея Ярославского (вариант: на дочери Дея женился князь Андрей)⁸.

Известны два сына князя С. Д. Кубенского: князь Иван Большой и князь Иван Меньшой Шалуха (Шолуха, Шелуха). Один из них писал данную грамоту В. Б. Тучко Морозова на земли в Нерехотской волости Костромского уезда, пожалованные в Троице-Сергиев монастырь (дата документа: 1467–1474 гг.). И. С. Кубенский (также неясно – Большой или Меньшой) в походе на Вятку в 1489 г. был вторым воеводой судовой рати. В феврале 1500 г. И. С. Кубенский Большой участвовал в церемонии свадьбы князя В. Д. Холмского и княжны Феодосии, дочери Ивана III («ходил у саней»). В апреле того же года Иван Большой был направлен послом к крымскому хану Менгли-Гирею и вскоре умер в Крыму. Иван Меньшой в 1495 г. был в числе князей и детей боярских, сопровождавших Ивана III в походе на Новгород. В духовной В. Б. Тучко Морозова (до 27 января 1497 г.) он упоминается в числе заимодавцев и как душеприказчик⁹.

Видимо, оба князя Ивана не проявляли активности и мало продвинулись на великокняжеской службе. Но Иван Большой состоял в близком родстве с великокняжеской династией, женившись на дочери князя Андрея Васильевича Большого Углицкого (1446–1493), брата Ивана III (см. о ее надгробии и саркофаге выше). Андрей Углицкий был арестован по приказу старшего брата в 1491 г. и умер в заточении. До или после ареста удельного князя заключен этот брак? Вероятно, до ареста. Об этом косвенно свидетельствует различие в судьбе дочерей и сыновей углицкого князя. Дочери, в замужестве княгиня Кубенская и княгиня Курбская, не подверглись преследованиям и не были пострижены в монахини, как это бывало в случае опалы с девушками из знатных семейств. Сыновья, Иван и Дмитрий, несмотря

⁸ Родословная книга по трем спискам, с предисловием и азбучным указателем. С. 57, 58; ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 21; Памятники истории русского служилого сословия. С. 50; [Семячко, с. 166].

⁹ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 272, 273, 523, 524; Разрядная книга 1475–1598 / Подгот. текста, ввод. ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 17, 21, 25; [Зимин, с. 94].

на отроческий возраст, были заключены в темницу, где выросли, состарились, а затем умерли: первый – в монашестве, второй – вскоре после освобождения [Панова].

Согласно надгробной надписи, княгиня Ульяна Кубенская скончалась 15 мая 1537 г. Косвенно можно определить дату ее рождения. Брак родителей, князя Андрея Углицкого и княжны Елены Романовны Мезецкой, состоялся 27 мая 1470 г., а 2 апреля 1483 г. княгиня Елена умерла¹⁰. Н. К. Голейзовский [Голейзовский, с. 22, 23] рассчитал даты рождения сыновей углицкого князя Ивана и Дмитрия как 1480 и 1482 гг. Значит, дочери Андрея Большого родились в 1470-е гг., причем в родословной книге старшей именуется супруга князя А. Д. Курбского, а младшей – Ульяна, супруга князя И. С. Кубенского Большого¹¹. Это говорит также о том, что брак был заключен до опалы на Андрея Углицкого, к 1491 г. они уже достигли брачного возраста.

Судя по тому, что Ульяна приняла в монашестве имя Евпраксия, ее крестильное имя («прямое» или «молитвенное») начиналось на букву «Е», а имя Ульяна было публичным. Вкладная книга Новодевичьего монастыря содержит поминовения княгини-инокини Евпраксии Кубенской: «на годину» 15 мая и на память преподобномученицы Евдокии 1 марта. Те же даты поминовения княгини внесены и во вкладную книгу Кирилло-Белозерского монастыря¹². Итак, в крещении Ульяна носила имя Евдокия, а публичное имя получила в честь Ульяны, день поминания которой 4 марта находится в непосредственной близости от памяти преподобномученицы Евдокии.

Сыновья князя И. С. Кубенского Большого и княгини Ульяны-Евдокии – Михаил и Иван Ивановичи – крупные деятели времен малолетства и юности Ивана IV Грозного.

Князь Иван Иванович с февраля 1524 г. занимал должность дворецкого Большого дворца. В 1526 г. он ездил в свите Василия III в Тихвин. Во время предсмертной болезни Василия III князь Иван Иванович упоминается в летописи как приближенный великого князя. По мнению Н. Е. Носова и М. М. Крома, князь являлся одним из наиболее влиятельных лиц при Елене Глинской [Носов, с. 294, 295, 298; Кром, с. 109]. Однако А. Л. Корзинин установил, что чин боярина князь Иван Иванович получил не ранее 23 мая 1540 г., сохранив должность дворецкого [Корзинин, с. 71, 72]. К 1535 г. относятся серебряный ковш князя (хранится в Оружейной палате); та же дата и имя «князя Ивана Ивановича» (очевидно, Кубенского) на подсаадачном ноже из собрания ГИМ. Скорее всего, эти предметы оказались в казне после опалы князя И. И. Кубенского, о которой – далее [Постникова-Лосева, с. 168, 169; Пчелов]. После смерти правительницы (+ 4 апреля 1538 г.) Кубенский продолжал занимать видное положение при дворе, примыкая к боярской группировке князей Шуйских [Кром, с. 235, 250, 265; Кубенский Иван Иванович, князь // Правящая элита Русского государства]. К этому периоду относятся детские воспоминания Ивана IV о том, как князь Кубенский сопровождал его во время богомолья в Троице-Сергиев монастырь¹³.

16 декабря 1544 г. «положил князь велики опалу свою на князя на Ивана Кубенского за то, что они великому государю не доброхотствовали и его государству многие неправды чинили, и великое мздоимство учинили и многие мятежи, и бояр без великого государя веления

¹⁰ ПСРА. Т. 12. С. 123, 124, 214.

¹¹ Памятники истории русского служилого сословия. С. 22.

¹² Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря: [в 2 вып.] / АН СССР, Институт истории СССР; под ред. В. И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. Ч. 1. С. 186, 196; Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4 (19/20). С. 32.

¹³ Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, пер. и коммент. Я. С. Лурье; Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 2005 (репринт. воспроизведение издания 1951 г.). С. 360.

многих побили»¹⁴. Князя отправили в заточение в Переяславль, причем в ту же тюрьму, где незадолго до этого сидели братья его матери, князья Иван и Дмитрий Углицкие. Опала продолжалась полгода, в мае 1545 г. Иван IV Кубенского «пожаловал... изъ нятства выпустил». Князь Иван Иванович занял прежнее положение, однако 5 октября 1545 г. Иван IV вновь наложил на него и других бояр опалу: «за ихъ неправду». Вскоре, в декабре того же года, Иван IV бояр «пожаловал», простил¹⁵. Непонятно, были ли эти опалы следствием придворной борьбы или гневливого характера юного государя. Загадкой окружена и гибель князя И. И. Кубенского в 1546 г.

В мае 1546 г. Иван IV отправился «на Коломну» и расположился в Голутвине монастыре. Молодой государь проводил время весьма своеобразно: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры и сеял гречиху; и инья потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался», – свидетельствует Пискаревский летописец¹⁶ (подробнее об этом: [Мазуров, с. 22–31]). Во время «стояния» на Коломне разгорелся конфликт в войске – в драке между новгородскими пищальниками и дворянами, охранявшими царя, были убиты несколько человек. Иван IV поручил расследовать этот инцидент дьяку В. Г. Захарову-Гнильевскому. Возможно, что дьяк (или кто-то за его спиной) воспользовался этим, чтобы устранить конкурентов из среды высшего боярства. Захаров «оклеветал ложными словесы» бояр Кубенского, Ф. С. и В. М. Воронцовых, и 21 июля бояр казнили: «всем трем головы посекали, а отцов духовных у них перед их концем не было» [Кром, с. 319–323]. Лишив опальных предсмертной исповеди, Иван IV все же разрешил похоронить их в родовых усыпальницах: «и взявша их по повеленью по великого князя приятели их и положиша их, где же которой род кладетца»¹⁷. В результате этого распоряжения князь И. И. Кубенский оказался похоронен в Смоленском соборе, рядом с матерью.

М. М. Кром замечает, что расправа над Кубенским стала шоком для родных князя. Сохранилось утешительное послание инок Иосифо-Волоцкого монастыря Фотия, адресованное вдове князя. В нем Фотий именует князя Кубенского мучеником и говорит, что Бог «кровию мученическою вся грехи его омыл» [Кром, с. 318].

Князь И. И. Кубенский был женат на княжне Анне Ивановне, дочери служилого князя и воеводы Ивана Михайловича Воротынского. После смерти мужа Анна стала монахиней с именем Александра, вероятно, в Новодевичьем монастыре. В 7050 (1541/1542) г. она «положила» Евангелие в Нилову пустынь [Шевченко, с. 52, 59]. В Кирилло-Белозерский монастырь внесла по душе И. И. Кубенского 50 рублей, с дополнением: «А Бог пошлет по душу княгини Александры, ино княгиню Александру написати в оба сенаника без выкладки и поминати на тех же кормех, доколе и монастырь стоит»¹⁸. Известен также ее вклад в Троице-Сергиев монастырь в 30 рублей (1548 г.); ранее сам князь И. И. Кубенский внес в монастырь 100 рублей (1534 г.)¹⁹.

¹⁴ ПСРА. СПб., 1904. Т. 13. С. 146; М., 1965. Т. 29. С. 46. По мнению В. Д. Назарова, князь Кубенский был наказан за своевольное убийство юноши князя Михаила Богдановича Трубецкого, совершенное по его приказу 15 декабря 1544 г. (Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII вв. М., 1998. С. 480–482 (комментарий к акту)). В доказательство этого указано, что село Семеновское Бартенево в Можайском уезде из вотчин Кубенскому было отдано на помин души князя М. Б. Трубецкого. Однако эта «дача» может быть объяснена тем, что Трубецкой приходился Ивану Ивановичу племянником по жене, его мать княгиня Евдокия Ивановна, урожденная княжна Воротынская, сестра княгини Анны Кубенской (Памятники истории русского служилого сословия. С. 59).

¹⁵ ПСРА. Т. 13. С. 146, 147; Т. 29. С. 47.

¹⁶ ПСРА. М., 1978. Т. 34. С. 189.

¹⁷ Там же. С. 27.

¹⁸ Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.). С. 32.

¹⁹ Там же; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Калитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 69.

Старший брат князя И. И. Кубенского, Михаил Иванович, по образному выражению А. А. Зимина, «светил как бы отраженным светом своего младшего брата». С 1518 г. он известен как воевода в разных походах, в том числе в 1530 г. в неудачном Казанском походе возглавлял артиллерию в судовой рати. В 1524 и 1528 гг. – наместник в Торопце, в 1533–1535 гг. – в Пскове. Получил боярство к августу 1538 г. и вместе с братом упоминается в числе видных бояр в малолетство Ивана IV [Зимин, с. 95; Кром, с. 235, 252, 265; Корзинин, с. 70].

Как и Иван Иванович, Михаил Иванович принадлежал к партии князей Шуйских; в некоторых источниках братья упоминаются вместе, как некий единый политический деятель. Князь М. И. Кубенский умер 9 июня 1548 г. и был похоронен в Кирилло-Белозерском монастыре, в паперти Успенского собора (дата смерти вычисляется на основании анализа записей во вкладных книгах – см. далее) [Никольский, с. 48; Приложения, с. XLVI, LVI]. Душеприказчики дали по его душе в Кириллов монастырь село Куликово в Дмитровском уезде и 200 рублей деньгами. За этот вклад монахи должны были поминать весь род князя Михаила и его самого – 8 ноября на именины и 9 июня (вероятнее всего, на преставление). В 1543 г. сам князь М. И. Кубенский дал в Троице-Сергиев монастырь вклад в 50 рублей, а 20 июня 1548 г. его душеприказчик князь Д. Ф. Палецкий дал еще 50 рублей²⁰.

Происхождение супруги князя М. И. Кубенского, Марии, упокоившейся в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря, неизвестно.

О дочери князя М. И. Кубенского, Гликерии, эпитафия сообщает, что она была замужем за Петром Васильевичем Морозовым (отметим дружеские связи Кубенских с другим представителем этого рода – В. Б. Тучко Морозовым, о которых говорилось выше). Во вкладной книге Новодевичьего монастыря упоминается «князь Михайлова Кубенского княжна Елена». Ее поминали дважды: 30 мая на «годину» (то есть годовщину кончины) и 13 мая на «память»²¹. Однако 13 мая отмечается день памяти мученицы Гликерии, а это означает, что дочь князя Михаила Ивановича носила крестильное имя Гликерия и публичное Елена. Исследователи феномена христианской многоименности отмечают, что сочетание этих имен встречается неоднократно – это связано с календарной близостью празднований св. Гликерии Траянопольской и св. царицы Елены (13 мая и 21 мая) [Литвина, Успенский, с. 140, 141].

Установленное тождество Гликерии Морозовой и «княжны Елены» рождает новое противоречие: почему во вкладной книге Гликерия-Елена фигурирует по-прежнему как княжна, в то время как она уже замужем за Морозовым? С тем же титулом Гликерия присутствует в синодике Чудова монастыря²². Но при этом в родовых помянниках Кубенских в синодиках Успенского собора «Гликерия» поминалась без титула «княжны»²³. Таким образом, единообразия в обозначении статуса Гликерии-Елены Кубенской-Морозовой нет. Это наводит на мысль, что брак был кратковременным и родственники, оформлявшие поминальные вклады в Новодевичий и Чудов монастыри, могли записать ее как «княжну». К сожалению, дата кончины Гликерии-Елены в эпитафии не указана, однако ее супруг, П. В. Морозов, прожил сравнительно долгую жизнь. Он упоминается как воевода с 1547 г., получил боярство в 1553/1554 г., а умер после июня 1579 г.²⁴ [Веселовский, с. 201]. Дополнительным, косвенным свидетельством того, что его брак с Гликерией был кратковременным, является отсутствие ее

²⁰ Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.). С. 31, 32; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 69.

²¹ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. ... Ч. 1. С. 196, 199.

²² Алексеев А. И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4 (55/56). С. 104.

²³ По копии из фонда С. Б. Веселовского: АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 173. Л. 138, 139; Д. 174. Л. 105 об.

²⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. / Под ред. и с предисл. д-ра ист. наук В. И. Буганова. М., 1977. Т. 2. Ч. 2. С. 330, 436.

имени в помянниках П. В. Морозова и его потомков²⁵. Потомки эти были людьми известными в XVII в. – деятель Смутного времени, боярин Василий Петрович Морозов, братья Борис Иванович и Глеб Иванович Морозовы. Расположение рядом с саркофагом Гликерии-Елены младенческого (детского) погребения заставляет предположить, что она могла умереть от родов или послеродовой болезни; тогда же умер и ребенок.

Рис. 2. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Центральный неф. Вид с юга на группу погребений князей Кубенских (на первом плане - надгробие Анфисы Годуновой).

²⁵ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 174. Л. 54 об.; Алексеев А. И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле. С. 32, 33, 36, 39, 55, 61, 65, 81, 86.

Рис. 3. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северная ячейка центрального нефа. Надгробия и саркофаги князей Кубенских, вид с юга.

Рис. 4. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северная ячейка центрального нефа. Надгробия и саркофаги князей Кубенских, вид с востока.

Рис. 5 а. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северная ячейка центрального нефа:
слева - надгробия княгини Ульяны Кубенской и ее сына Ивана, вид с юга; справа - надгробие князя Ивана
Ивановича Курбского.

Рис. 6. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северная ячейка центрального нефа: саркофаги князей Кубенских после снятие надгробий, вид сверху.

Рис. 7. Надпись на крышке саркофага княгини Ульяны/Евпраксии Кубенской, 1537 г.

Рис. 8. Надпись на крышке саркофага князя Ивана Ивановича Кубенского, 1546 г.

Рис. 9. Надпись на крышке саркофага княгини Анны (инокини Александры), вдовы И.И. Кубенского. 1551 г.

Рис. 10. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, вид с юго-запада на саркофаги Кубенских.

Рис. 11. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, вид с северо-запада на саркофаги Кубенских.

Рис. 12. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, вид сверху с востока на саркофаги Кубенских.

Рис. 13. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, Детский саркофаг.

Рис. 14. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, Надписи на саркофагах: слева - Марии, жены Михаила Ивановича Кубенского; справа - Гликерии, дочери Марии, жены Петра Васильевича Морозова.

Литература

- Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013. 260 с.
- Беляев Л. А. Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. 2018. № 3 (99). С. 2–6. [Беляев, 2018a]
- Беляев Л. А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 252. С. 219–232. DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.252.219-232 [Беляев, 2018б]
- Беляев Л. А., Корзинин А. Л. Надгробие старицы Анфисы (Годуновой) в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3 (85). С. 91–110. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.008
- Беляев Л. А., Медникова М. Б. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. М., 2018. Вып. 1. 300 с.
- Беляев Л. А., Топычканов А. В. Надгробие Ф. А. Голицыной и другие плиты князей Голицыных XVI–XVII в. в Новодевичьем монастыре // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 91–108. DOI 10.25986/IRI.2020.80.2.005

- Беляев А. А., Григорян С. Б., Савельев Н. И. Высоко-Петровский монастырь (г. Москва) // Города. Поселения. Некрополи. Раскопки 2016 года. М., 2017. (Материалы спасательных археологических исследований. 19). С. 20–25.
- Беляев А. А., Григорян С. Б., Фролов В. С., Шуляев С. Г. Дополнительные конструкции фундаментов Смоленского собора XVI в. в Новодевичьем монастыре. Предварительная публикация // Архитектурная археология. 2021. № 2. С. 137–147.
- Беляев А. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 112–127. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009
- Беляев А. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г. Саркофаг княгини Анастасии Бельской в подклете Смоленского собора Московского Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 83–98. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.008
- Беркович В. А., Егоров К. А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017. 768 с.
- Веселовский С. Б. Очерки истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 582 с.
- Гиришберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 1. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 3–77.
- Голейзовский Н. К. Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 20–27.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 348 с.
- Кавельмахер В. В. Когда мог быть построен собор Смоленской Одигитрии Новодевичьего монастыря? // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 154–179.
- Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. 279 с.
- Корзинин А. Л. О составе Боярской думы и дворцовой администрации в период боярского правления в 30–40-е годы XVI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 5. С. 67–85. DOI 10.15688/jvolsu4.2019.5.5
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв. // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1. С. 133–161. DOI 10.31168/2305-6754.2019.8.1.5
- Мазуров А. Б. Коломенские «потехи» Ивана Грозного в 1546 г.: новые штрихи к портрету юного великого князя // Российская история. 2018. № 1. С. 22–31.
- Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: материалы исследований в 4 т. М., 2018. Т. 3. Ч. 1. 396 с.
- Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1897. Т. 1. Кн. 1. 529 с.
- Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. 408 с.
- Панова Т. Д. Между Угличем и Прилуками: заключение длиною в жизнь // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Мединцевой. М., 2019. С. 352–366.
- Подсоборный склеп в Московском Ново-Девичьем монастыре // Исторический вестник. М., 1886. Т. 25. № 7. С. 199–201.
- Постникова-Лосева М. М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 137–216.
- Правящая элита Русского государства последней четверти XV – середины XVI в.: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование [Электронный ресурс]. URL: <https://ruling-elite.srbu.ru/> (дата обращения: 18.05.2021).
- Пчелов Е. В. Подсадачный нож 1535 года из собрания ГИМ и его владелец // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей Международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года. СПб., 2012. Ч. 3. С. 84–87.

Семячко С. А. Иоасаф Каменский // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 166–168.

Трубникова О. А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. – 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана). М., 1991. С. 106–123.

Шевченко Е. Э. Нило-Сорский монастырь как центр книжности. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 274 с.

References

Belyaev, L. A. Rodovaya usypal'nitsa knyazei Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya [Ancestral Tomb of the Princes Pozharsky and Khovansky in the Spaso-Evfimiev Monastery of Suzdal: 150 Years of Study]. Moscow, 2013. 260 p.

Belyaev, L. A. Pominat' i pomnit': traditsiya obnovleniya nadgrobii v Moskve XVI–XVII vv. [To Commemorate and Remember: The Tradition of Updating Tombstones in Moscow of the 16th – 17th Centuries]. In *Zhivaya starina*. 2018. No. 3 (99). Pp. 2–6. [Belyaev, 2018a]

Belyaev, L. A. Kkhronologii antropomorfnykh sarkofagov Rusi XV–XVII vv. [Chronology of Anthropomorphic Sarcophagi in Medieval Russia of the 15th – 17th Centuries]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2018. Issue 252. Pp. 219–232. DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.252.219-232 [Belyaev, 2018b]

Belyaev, L. A., Korzinin, A. L. Nadgrobie staritsy Anfisy (Godunovoi) v podklete Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya [Tombstone of Eldress Anfisa Godunova in Smolensky Catholicon Funerary Vault of Moscow Novodevichy Convent]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 3 (85). Pp. 91–110. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.008

Belyaev, L. A., Mednikova, M. B. V poiskakh boyar Romanovykh: mezhdistsiplinarnoe issledovanie usypal'nitsy XVI–XVIII vv. v Znamenskoi tserkvi Novospasskogo monastyrya v Moskve [In Search of the Romanov Boyars: An Interdisciplinary Study of the Tomb of the 16th – 18th Centuries in the Znamenskaya Church of the Novospassky Monastery in Moscow]. Moscow, 2018. Issue 1. 300 p.

Belyaev, L. A., Topychkanov, A. V. Nadgrobie F. A. Golitsynoi i drugie plity knyazei Golitsynykh XVI–XVII v. v Novodevich'em monastyre [Tombstones of the Princely Family of Golitsyn in the Novodevichy Convent (Moscow), 16th – 17th Centuries]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 2 (80). Pp. 91–108. DOI 10.25986/IRI.2020.80.2.005

Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Savel'ev, N. I. Vysoko-Petrovskii monastyr' (g. Moskva) [Vysoko-Petrovsky Monastery (Moscow)]. In *Goroda. Poseleniya. Nekropoli. Raskopki 2016 goda*. Moscow, 2017. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy. 19). Pp. 20–25.

Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Frolov, V. S., Shulyaev, S. G. Dopolnitel'nye konstruksii fundamentov Smolenskogo sobora XVI v. v Novodevich'em monastyre. Predvaritel'naya publikatsiya [Reinforcing Constructions in the Foundation of the 16th Century Cathedral of Our Lady of Smolensk in Novodevichii Convent: A Preliminary Publication]. In *Arkhitekturnaya arkheologiya*. 2021. No. 2. Pp. 137–147.

Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Shulyaev, S. G. Nekropol' Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya XVI–XVII vv. Issledovaniya 2017–2018 g.: metody i rezul'taty [The Grave Vault of the Catholicon of the Novodevichy Convent, 16th – 17th cc.: The Results of Field Research (2017–2018)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 112–127. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009

Belyaev, L. A., Shokarev, S. Yu., Shulyaev, S. G. Sarkofag knyagini Anastasii Bel'skoi v podklete Smolenskogo sobora Moskovskogo Novodevich'ego monastyrya [Sarcophagus of Princess Anastasia Bel'skaya Found in Smolensky Cathedral Funerary Vault of Moscow Novodevichy Convent]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 4 (82). Pp. 83–98. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.008

Berkovich, V. A., Egorov, K. A. Moskovskoe belokamennoe nadgrobie. Katalog [Moscow White Stone Tombstone. Catalog]. Moscow, 2017. 768 p.

Girshberg, V. B. Materialy dlya svoda nadpisei na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv. Ch. 1. Nadpisi XIV–XVI vv. [Materials for the Corpus of Inscriptions on Stone Slabs of Moscow and the Moscow Region of the 14th – 17th Centuries. Part 1. Inscriptions of the 14th – 16th Centuries]. In *Numizmatika i epigrafika*. Moscow, 1960. Vol. 1. Pp. 3–77.

Goleizovskii, N. K. Nachalo deyatelnosti Kassiana Uchemskogo po pis'mennym istochnikam [The Beginning of the Activity of Kassian Uchimsky according to Written Sources]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2002. No. 4 (10). Pp. 20–27.

- Kavel'makher, V. V. *Kogda mog byt' postroen sobor Smolenskoj Odigitrii Novodevich'ego monastyrya?* [When could the Cathedral of the Smolensk Odigitria of the Novodevichy Monastery have been Built?]. In *Novodevichii monastyr' v russkoi kul'ture. Materialy nauchnoi konferentsii 1995 g.* Moscow, 1998. Pp. 154–179.
- Kobrin, V. B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoi Rossii (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Medieval Russia (15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1985. 279 p.
- Korzinin, A. L. *O sostave Boyarskoi dumy i dvortsovoi administratsii v period boyarskogo pravleniya v 30–40-e gody XVI veka* [About the Structure of the Boyar Duma and Palace Administration in the Period of Boyar Ruling in the 30–40s of the 16th Century]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 24. No. 5. Pp. 67–85. DOI 10.15688/jvolsu4.2019.5.5
- Krom, M. M. *“Vdovstvuyushchee tsarstvo”: politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [“The Dowager Kingdom”: The Political Crisis in Russia of the 30–40s of the 16th Century]. Moscow, 2010. 888 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. *Muzhskoe vs zhenskoe v kontekste svetskoi khristianskoi dviimennosti na Rusi XVI–XVII vv.* [Male vs Female in the Mirror of Russian Dual Christian Naming (16th–17th Centuries)]. In *Slověne*. 2019. Vol. 8. No. 1. Pp. 133–161. DOI 10.31168/2305-6754.2019.8.1.5
- Mazurov, A. B. *Kolomenskie “potekhi” Ivana Groznogo v 1546 g.: novye shtrikhi k portretu yunogo velikogo knyazya* [Kolomna “Fun” of Ivan the Terrible in 1546: New Touches to the Portrait of the Young Grand Duke]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2018. No. 1. Pp. 22–31.
- Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya: materialy issledovaniy v 4 t. [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin: Research Materials in 4 volumes]. Moscow, 2018. Vol. 3. Part 1. 396 p.
- Nikol'skii, N. K. *Kirillo-Belozerskii monastyr' i ego ustroistvo do vtoroi chetverti XVII veka (1397–1625)* [The Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure until the Second Quarter of the 17th Century (1397–1625)]. Saint Petersburg, 1897. Vol. 1. Book 1. 529 p.
- Nosov, N. E. *Ocherki po istorii mestnogo upravleniya Russkogo gosudarstva pervoi poloviny XVI veka* [Essays on the History of Local Government of the Russian State in the First Half of the 16th Century]. Moscow; Leningrad, 1957. 408 p.
- Panova, T. D. *Mezhdru Uglichem i Prilukami: zaklyuchenie dlinoyu v zhizn'* [Between Uglich and Priluki: A Life-long Imprisonment]. In *Zvuchat lish' Pis'mena. K yubileyu A. A. Medyntsevoi*. Moscow, 2019. Pp. 352–366.
- Pchelov, E. V. *Podsaadachnyi nozh 1535 goda iz sobraniya GIM i ego vladelets* [A 1535 under Saadak Knife from the State Historical Museum Collection and Its Owner]. In *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Tret'ei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 16–18 maya 2012 goda*. Saint Petersburg, 2012. Part 3. Pp. 84–87.
- Podsobornyi sklep v Moskovskom Novo-Devich'em monastyre [Cathedral Grave Vault in the Moscow Novodevichy Monastery]. In *Istoricheskii vestnik*. Moscow, 1886. Vol. 25. No. 7. Pp. 199–201.
- Postnikova-Loseva, M. M. *Zolotye i serebryanye izdeliya masterov Oruzheinoi palaty* [Gold and Silver Products of the Masters of the Armory Chamber]. In *Gosudarstvennaya Oruzheinnaya palata Moskovskogo Kremlya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Gosudarstvennoi Oruzheinoi palaty*. Moscow, 1954. Pp. 137–216.
- Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva poslednei chetverti XV – serediny XVI v.: elektronnyaya baza dannykh i istoriko-genealogicheskoe issledovanie [The Ruling Elite of the Russian State of the Last Quarter of the 15th – Middle of the 16th Century: Electronic Database and Historical and Genealogical Research] [Electronic resource]. URL: <https://ruling-elite.spbu.ru/> (accessed May 18, 2021).
- Semyachko, S. A. *Ioasaf Kamenskii* [Joasaph Kamensky]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2010. Vol. 25. Pp. 166–168.
- Shevchenko, E. E. *Nilo-Sorskii monastyr' kak tsentr knizhnosti* [Nilo-Sorsky Monastery as a Center of Writings]. Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Saint Petersburg, 2009. 274 p.
- Trubnikova, O. A. *Istoriya nekropolya Novodevich'ego monastyrya (30-e gg. XVI v. – 30-e gg. XX v.)* [History of the Novodevichy Monastery Necropolis (the 30s of the 16th Century – the 30s of the 20th Century)]. In *Moskovskii nekropol' (istoriya, arkheologiya, iskusstvo, okhrana)*. Moscow, 1991. Pp. 106–123.

Veselovskii, S. B. *Ocherki istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Essays on the History of the Class of Serving Landowners]. Moscow, 1969. 582 p.

Zimin, A. A. *Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v.* [Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – First Third of the 16th Century]. Moscow, 1988. 348 p.

Leonid A. Belyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Sergey Yu. Schokarev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Seraphim G. Schulyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

FUNERARY MONUMENTS OF THE KUBENSKY PRINCES IN THE BURIAL VAULT OF THE MAIN CHURCH OF THE NOVODEVICHY CONVENT

The article comprises a publication of two tombstones and seven sarcophagi (five of them with inscriptions) of Princes Kubenskys, a branch of Yaroslavl princely house, which died out after the middle of the 16th century. Earlier they were not well known; readings of inscriptions contained errors; a number of biographies were not studied. The burials occupy two cells in the funerary vault of the main church of the convent. They are buried in a row there: Ulyana/Evpraxia, a daughter of Prince Andrey Vasilievich Uglitsky, a wife of Prince Ivan Semenovitch Kubensky; her son, Ivan Ivanovich executed in 1546 by Ivan the Terrible; his widow, Anna/Alexandra (maiden name Vorotynskaya). The other cell contains burials of Maria, a wife of I. I. Kubensky's brother Mikhail, and their daughter Elena/Glikeria, a wife of the famous boyar Peter Vasilievich Morozov. The article presents an archaeological description of the context, monuments and sarcophagi as objects, an epigraphic analysis, and an outline of the genealogy of the buried.

Keywords: Moscow, monastic archaeology, 16th century, a cemetery, epigraphy, tombstones, sarcophagi, genealogy, Russian nobility